

ПѢСНИ
ИЗЮМСКИХЪ ГУСАРЪ.

ЧУЖБИНА
1937

ПѢСНИ
ИЗЮМСКИХЪ ГУСАРЪ.

ИЗДАНІЕ ПОЛКОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
Ч У Ж Б И Н А
1937

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

27 іюня — 10 іюля 1936 года исполнилось 285 лѣтъ со дня зарожденія, во дни Тишайшаго Царя Алексія Михайловича, Изюмскаго Слободскаго Казачьяго, — нынѣ Изюмскаго Гусарскаго Генерала Дорохова — полка.

Разсѣянные по чужимъ краямъ, но „и въ разсѣяніи — едины“, — скромно, но проникновенно отмѣтили Изюмцы эту годовщину.

Въ посильное озnamенование ея — и эти „Пѣсни Изюмскихъ Гусаръ“. Не мало пѣсенъ утеряно за эти годы утратъ. Трудно писать въ наши дни, но трудно и молчать. Каждому времени — свои пѣсни. Здѣсь и пѣсни славнаго и милаго прошлаго, и пѣсни Русскаго горя и тяжкаго изгнанія, — скорбныя, — могутъ ли быть онѣ иными въ страданіяхъ за Родину и вдали отъ Нея? — но и полныя жаркой вѣры, что Россія воскреснетъ!

Сборникъ этотъ построенъ въ порядкѣ хронологического расположенія произведеній его авторовъ.

„Пѣснямъ Изюмскихъ Гусаръ“ сопутствуютъ „Пѣсни Друзей“, заключающія эту книгу.

Да будетъ она неразлучной спутницей каждого Изюмца на его пути къ Россіи.

Изображеніе Штандарта, дарованнаго полку 85 лѣтъ тому назадъ Императоромъ Николаемъ I-мъ къ 200-лѣтнему его юбилею, воспроизведено изъ полковой памятки „Славное Прошлое Изюмскихъ Гусаръ“. Пусть, въ испытаніяхъ настоящаго, эта страница будетъ постояннымъ призыромъ къ славному будущему.

Портретъ Вѣчнаго Шефа полка, Генерала И. С. Дорохова, да послужить и вѣчнымъ напоминаніемъ о рыцарскихъ завѣтахъ этого легендарного Изюмскаго гусара.

Изюмцы временъ Императоровъ Павла I-го и Николая I-го взяты изъ собранія гравюръ полкового Музея.

Если эта книга обрѣтетъ друзей, которые найдутъ въ ней отзвуки родного, — заглянутъ съ нею въ красоту прошлаго, раздѣлять скорбь о настоящемъ, но и пріобщатся къ бодрости и горячей вѣрѣ Изюмцевъ въ воскресеніе Россіи, — большаго не ждутъ эти, можетъ быть не всюду стройныя, но отъ сердца спѣтыя, пѣсни.

1936.

И въ разсѣяніи — едины.
Девизъ Полкового Объединенія.

ИЗЮМЦАМЪ
въ день 200-лѣтняго юбилея.

Есть на Руси полки лихіе —
Недаромъ слава ихъ громка:
Но нѣтъ у матушки Россіи
Славнѣй Изюмскаго полка!

Тебѣ, храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ,
Тебѣ, нашъ полкъ, тебѣ привѣтъ!
Пусть доживеть временъ позднѣйшихъ
Могучій громъ твоихъ побѣдъ!

Ужь двѣсти лѣтъ твои знамены
Ведутъ къ побѣдѣ на враговъ
Лихіе сотни, эскадроны
Твоихъ воинственныхъ сыновъ!

Какими дальними землями
Къ побѣдамъ ты не проходилъ?
Какими свѣтлыми водами
Коней своихъ ты не поилъ?

Какія битвы не видали
Твоихъ знаменъ? какихъ полей
Шипы стальныя не топтали
Твоихъ стремительныхъ коней?

И въ чорной шапкѣ, съ пикой длинной,
Въ казачьемъ синемъ чекменѣ,
Брянча винтовкою старинной,
На пышно-гризовомъ скакунѣ —

Ты такъ же мчался легче лани,
И былъ враговъ въ своихъ степяхъ,
Какъ и въ червонномъ доломанѣ,
Съ булатной саблею въ рукахъ.

Вездѣ, гдѣ только межъ рядами
Свистѣль губительный металль,
Гдѣ только кровь лилась рѣками —
Вездѣ ты былъ и побѣждалъ.

Въ Лиманъ въ челнахъ своихъ спускалъ
Громилъ поляковъ и татаръ [ся],
И шумной лавою врывался
Въ ряды свирѣпыхъ янычаръ.

Вездѣ коней твоихъ видали,
Баранью шапку на бекрень
И бранный блескъ дамасской стали,
И кровью залитый чекмень.

Не разъ врубался въ батальоны,
Слеталъ на пушки, какъ Перунъ
И опрокидывалъ колонны
Наполеоновскихъ драгунъ.

Вездѣ твой ментикъ темно-синій
И твой червонный доломанъ
Грозой мелькали между линій
Враговъ всѣхъ націй и всѣхъ странъ.

То за Днѣпромъ, не зная страха,
Ты штурмовалъ Кизы-Керменъ;
То билъ отряды Шлиппенбаха,
Среди лифляндскихъ деревень;

То жогъ аулы Дагестана,
Громилъ воинственныхъ Донцовъ,
Иль отражалъ Дундука-Хана,
Вождя калмыцкихъ удалъцовъ;

Былъ подъ Лѣснымъ и подъ Полтавой,
Сражался съ прусскимъ королемъ,
И за Кагулъ леталъ за славой
Съ Екатерининскимъ орломъ;

То зимовалъ у стѣнъ Азова,
То мчался въ бой, взметая прахъ,
Съ войсками Фридриха Втораго,
На Егерсдорфскихъ высотахъ.

Пултускъ, Эйлау и Балканы,
И партизанскіе бои,
И Бородинскіе курганы
Штандарты видѣли твои,

И даже разъ Парижъ смятенный
Въ своихъ прославленныхъ стѣнахъ
Видаль твой доломанъ червонный,
Твой синій ментикъ въ галунахъ.

И сколько храбрыхъ и извѣстныхъ
Вождей въ бояхъ тебя вели,
И сколько подвиговъ чудесныхъ
Въ скрижалъ исторіи внесли!

И Квитка, въ битвахъ посѣдѣлый,
Капнистъ, Шидловскіе — бойцы,
И Краснокутскій — воинъ смѣлый,
И Захаржевскіе-Донцы,

И Хорватъ, что въ степи Уральской
Такъ страшенъ быль бунтовщикамъ,
Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Филипсталъ-
Графъ Паленъ, Зоричъ, Миріамъ — [скій,

И Бенингсенъ, судьбой хранимый
Для битвъ иныхъ, въ странѣ иной,
И графъ Долонъ неустршимый.
И незабвенный графъ Толстой,

И онъ, достойный сынъ отчизны,
Нашъ славный Дороховъ-герой,
Что совершилъ такъ много въ жизни
Геройскихъ подвиговъ съ тобой!

Вездѣ, гдѣ только бой кровавый
Кипѣлъ губительнѣй, сильнѣй
И звалъ отважнаго за славой,
Сквозь ужасъ тысячи смертей —

Вездѣ онъ бытъ — всегда холодный,
Всегда въ губительномъ огнѣ,
Сверкая сталью благородной,
Леталъ на сѣромъ скакунѣ.

Когда жъ къ рядамъ полка родного
Онъ снова несся, какъ стрѣла,
Всегда съ клинка его стального
Струя кровавая текла.

Но и его взяла могила,
Земля холодная взяла...
Но слава имя сохранила
И прахъ его пережила.

Но если онъ и умеръ тѣломъ,
Все духъ его въ насъ не умретъ:
И если звукъ трубы предъ дѣломъ
Насъ вновь къ штандартамъ призоветъ,

Тогда, отважные Изюмцы,
Мы вновь помчимся на враговъ,
И пусть извѣдаютъ безумцы,
Все та же ль въ насъ играетъ кровь,

Все такъ же ль гибельны удары,
Какъ прежнихъ руки въ былые дни!
И все ль мы прежніе гусары,
Какими знали насъ они!

1851.

Н. В. Гербель.
(1827 — 1883).

Генералъ-Лейтенантъ
Иванъ Семеновичъ
Дороховъ.

1762 — 1815.

А. Балашевъ.
„Пѣсни Гусарскія“.

ПОЛКУ.

Тебѣ, мой полкъ, тебѣ, любимый,
Въ твоихъ рядахъ, судьбой гонимый,
Въ большомъ исканьи бурь и грозъ,
Я ихъ нашелъ и перенесь.

Въ сыромъ окопѣ, на конѣ,
Въ бою, въ покойномъ лазаретѣ,
Съ своей мечтой наединѣ,
Тебѣ слагалъ я пѣсни эти.

То — пѣсни сердца моего!
И, прятать сердца не умѣя,
Я ихъ несу, благоговѣя,
Подъ сѣнь Штандарта твоего!

ИЗЮМЦУ.

Тебѣ! Мы — одного полка!
Въ насъ расцвѣли однѣ печали,
Однѣ насъ думы взволновали,
Одна намъ Родина близка!

ПОСЛЪ БОЕВОГО КРЕЩЕНІЯ.

Я окрещенъ! — давно желанный,
Счастливый, незабвенный день!
Ушла былой печали тѣнь
Предъ красотой тревоги бранной,
И въ сердцѣ занялась заря...
Какъ послѣ пролетѣвшей бури,
Яснѣе блещетъ даль лазури,
О горней жизни говоря...
Пустивъ свой челнъ по волѣ рока,
Я шлю привѣтъ сіянью дня,
И внятно радость бытія
Куда-то мчить меня далеко...
И расцвѣтаетъ въ сердцѣ вновь
Давно забытое волненье,
Куда-то пылкое стремленье,
Къ кому-то жаркая любовь!

26 ноября 1914.
День Св. Георгія.
Райбротъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА.

Я раненъ. Каждый день сестра приносить мнѣ
Фіалки нѣжныя, ихъ ароматъ душистый,
Ихъ лепестки-мечты мнѣ шепчутъ о веснѣ
И тихій взглядъ сестры покоится на мнѣ,
Какъ звѣзды дальня, лучистый...
Мнѣ хорошо съ сестрой, ее зовутъ Анель,
И скромный красный крестъ къ ней такъ легко
подходитъ,
И кажется, любовь — ея всей жизни цѣль, —
И малой злобы тѣнь къ ней въ сердце не захо-
дить...
Какъ я люблю лазурь ея глубокихъ глазъ,
Когда въ нихъ тонеть взоръ — тревога въ серд-
цѣ таетъ,
И какъ я радъ, когда, въ вечерній тихій часъ,
Какъ ангель, въ бѣломъ вся, она ко мнѣ слета-
етъ...
Мы съ нею говоримъ о многомъ, о войнѣ,
О жизни, обо всемъ, о чёмъ заговорится,
Но только не о томъ, что въ сердца глубинѣ
Все съ каждымъ днемъ растеть и что не мо-
жетъ скрыться...
Какъ можетъ сердце скрыть безъ словъ понят-
ный взглядъ,
Небесный взглядъ очей, какъ звѣзды голубыя,
Слова безмолвныя яснѣе говорятьъ,

Чѣмъ всѣ слова любви... мы съ нею, какъ род-
Но почему вчера она ко мнѣ пришла [ныне...
Грустнѣе, чѣмъ всегда и почему слезою
Она, ко мнѣ склоняясь, мнѣ руку обожгла,
Лиши только я назвалъ ее своей родною?..
Сегодня слышалъ я, какъ докторъ ей сказалъ,
Что мнѣ лежать уже недолго здѣсь осталось,
Но почему онъ мнѣ такъ крѣпко руку сжалъ,
И почему Анель ушла и разрыдалась?..
Мнѣ лучше съ каждымъ днемъ... я словно весь
въ огнѣ...
Ужели скоро въ бой!.. о, какъ я буду биться,
Мой славный, старый Полкъ!.. Анель сказала
мнѣ,
Что будетъ за меня всю жизнь она молиться ...

· · · · ·

Такъ въ дневникѣ своемъ дрожащею рукой
Оставилъ онъ вчера послѣднее сказанье...
Вчера... а поутру... сегодня, за рѣкой,
Зарыли прахъ его, и льеть благоуханье
Могила свѣжая съ фіалками на ней...
Ихъ принесла Анель... навѣкъ угасли грезы...
Ея тоска безъ слезъ, лишь строгій ликъ блѣднѣй,
Когда разбита жизнь — тогда не льются слезы...

1915.

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА.

Люблю тебя, гусарский мой пріютъ,
Въ вечерній часъ лампадой озаренный,
Когда на мнѣ мой доломанъ червонный,
Когда мечты чего-то сладко ждутъ...
Въ окно глядитъ печальная луна,
И я одинъ съ родной своеї гитарой,
Забывъ весь міръ въ цыганской пѣснѣ старой,
И тишины душа моя полна...
И въ тишинѣ встаютъ передо мной
Минувшихъ лѣтъ минувшія видѣнья,
Былому я не брошу сожалѣнья, —
Былое — сонъ души моей больной...
Что ждетъ меня? какъ знать? вернусь ли я?
Судьба вовѣкъ не вѣдала запрета, —
Какъ рвется листъ нежданно въ бурю лѣта,
Такъ, можетъ быть, порвется жизнъ моя...
Но, кто любилъ, — о чёмъ тому жалѣть?
Я счастья зналъ приливы и отливы,
Я жизнъ свою сумѣль прожить красиво, —
И не боюсь красиво умереть!

1916.

ГУСАРУ.

Душа гусарской ассамблеи,
Люблю, когда въ вечерній часъ
Ты красотой своей затѣи
Невольно увлекаешь насъ,
Когда, найдя забвенье въ чарѣ,
Ты взоромъ всѣхъ насъ обведешь
И рѣчъ гусарскую ведешь,
Тоскуя по быломъ гусарѣ...
Но, другъ, ты мнѣ еще милѣй,
Когда, въ раздумья, на диванѣ,
Въ своемъ халатцѣ-доломанѣ
Сидишь съ гитарою своей, —
Когда, за пѣсней огневою,
Забывъ, что на исходѣ ночь,
Тоски не въ силахъ превозмочь,
Своей поникнешь головою, —
И заблестятъ твои глаза,
Свою слезу ты молча прячешь ...
Гусарѣ! ты не напрасно плачешь,
И мнѣ близка твоя слеза!..

1916.

ГУСАРСКИЙ ПРИЮТЬ.

Когда въ завѣтной „штабъ-квартирѣ“
Сойдемся мы въ вечерній часъ,
Тогда, какъ будто въ цѣломъ мірѣ,
Нѣтъ никого помимо насъ.

Въ табачномъ дымѣ, какъ въ туманѣ,
Въ уютѣ дружного кружка,
Горячіе родные доломаны
Гусаръ Изюмскаго полка.

Одна нась жизнью соединила,
Однѣ мечты сроднили нась,
Одни обычай намъ милы,
Подчасъ не чуждыя проказы...

Богъ вѣсть, что намъ судьба готовить
На нашемъ жизненномъ пути, —
Пускай же каждый счастье ловить,
Гдѣ сможетъ счастье онъ найти.

Иной, быть можетъ, не вернется,
Иной крестомъ украсить грудь,
И намъ уже не доведется
Въ приютъ гусарскій заглянуть.

Какъ вешнихъ дней проходятъ воды,
Пройдетъ весна и нашихъ дней,
И вспомнимъ мы былые годы
Мятежной юности своей, —

Какъ мы страдали, какъ любили
Въ быломъ далекихъ, лучшихъ лѣтъ,
Какъ не безжизненно мы жили,
Храня гусарскій нашъ завѣтъ,
    Какъ, наше сердце окрыляя,
Взросла Изюмская мечта...
Что насъ сроднило и кака я
Насъ вдохновила красота!
    И вѣрю, вѣрны долгу, чести,
Сроднивъ Изюмскія сердца,
Мы и въ разлукѣ будемъ вмѣстѣ,
Изюмцы будемъ до конца!

1916.

Я ВНОВЬ СЪ ТОБОЙ!

Я вновь съ тобой, мой полкъ червонный,
Опять — въ семьѣ твоей Родной!
Опять гляжу, завороженный,
На твой могучій, славный строй!

И вновь въ душѣ моей свѣтаетъ,
И снова даль меня зоветъ,
И сердце снова забываетъ
Свои невзгоды и поетъ...

1916.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Разлуки нашей неизбѣжной
Ужъ, чуешь сердце, близокъ часъ,
Судьба навѣкъ разлучить насть,
Разбивъ надежды безнадежно...
И, можетъ быть, когда-нибудь,
На эти блѣдныя страницы
Опустишь ты свои рѣчицы
И склонишь голову на грудь,
Взглянувъ на прошлое... родная!
Какъ незакатная звѣзда, —
Оно осталось навсегда,
Больное сердце озаряя...
Съ улыбкой тихой, не скорбя,
Ты вспомни пылкаго гусара,
Что расточилъ не мало жара,
Но полюбилъ одну тебя!...

1916.

КЪ ПОРТРЕТУ ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Какъ часто въ эти дни, безпомощно болѣя
За счастье Родины измученной моей,
Я на тебя гляжу съ тоской, благоговѣя,
И мыслю о тебѣ, гусарѣ далекихъ дней!
На саблю опершись, беспечно-величавый,
Ты, какъ живой, стоишь въ мечтахъ передо мной.

Задоромъ тѣшишь взоръ свидѣтель громкой славы,
Товарищъ жаркихъ дѣлъ, твой ментикъ боевой.
Ты въ жизни все совершилъ для Родины любимой,
И — воинъ, и — поэтъ, — равно ты отдавалъ
Отчизнѣ жизнѣ свою, и рокъ неотвратимый
Бессмертный образъ твой бессмертьемъувѣнчалъ.
Когда-бъ ты ожилъ вдругъ, когда-бъ ты вдругъ
увидѣлъ,
Какъ твой родной народъ Россію погубиль, —
О, какъ бы ты тогда его возненавидѣлъ,
И проклялъ бы его, и, вѣрно-бъ, не простишъ!
Ты-бъ не стерпѣлъ, гусаръ, ты вѣрно-бъ саблю
вынулъ,
Вскипѣвъ душой... за что? къ чему святой по-
рывъ? —
Въ тебя-бъ Искріотъ со злобой камень кинулъ,
Великій подвигъ твой измѣнной окрестивъ...
Я радъ, что нѣть тебя, герой неутомимый,
Теперь такимъ, какъ ты, въ Россіи мѣста нѣть...
Ты въ жизни все совершилъ для Родины любимой,
Спи безмятежнымъ сномъ, гусаръ далекихъ
лѣтъ!...

1917.

НА ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛКА.

Нѣть! ты не умиралъ, мой славный старый
полкъ!
Какъ встарь, твой ратный стягъ — сѣдой Штан-
дартъ съ тобою!
Нѣть, ты не умиралъ, ты лишь на мигъ умолкъ,
Какъ мощный вихрь, въ затишии предъ грозою...
Умолкъ. Но грянуль громъ надъ Русскою землей!
И вѣренъ Родинѣ, единъ въ своихъ порывахъ,
Ты первый посѣдалъ коней своихъ ретивыхъ
И первый ты помчался въ бой!..
Я вѣрю, красный врагъ падеть изнеможенный,
И вновь средь мрачныхъ тучъ пробьется синева,
И синій ментикъ твой и доломанъ червонный
Увидитъ вновь спасенная Москва!
Москва!.. впередъ, мой полкъ! туда, къ Перво-
престольной,
Гдѣ, подъ напѣвъ Іудѣ, рѣкою льется кровь...
Туда, гдѣ, наконецъ, за пѣсней колокольной,
Сроднитъ сердца всесильная любовь...
Ты живъ, въ твоихъ сынахъ живутъ герои дѣды!
Прейсишъ-Эйлаускій крестъ не можетъ потуск-
нѣть!
Ты — живъ! и не умрутъ вовѣкъ твои побѣды,
Какъ красота не можетъ умереть!

СКОРБЬ.

Въ вопросахъ чести непреклонный,
Въ бою, какъ въ сказкѣ, чародѣй, —
Любимый полкъ, мой полкъ червонный,
Ты — гордость Родины моей!
Вдали отъ битвъ, съ тобой въ разлукѣ,
О дняхъ минувшаго скорбя,
Я въ каждомъ ратномъ, смѣломъ звукѣ,
Какъ будто чувствовалъ тебя!
И вотъ, въ годину лихолѣтья, —
Гусарь, поэтъ, цыганъ душой, —
Я — твой, и счастливъ умереть я
Съ крестомъ, дарованнымъ тобой!
Увы... тоскуя по быломъ,
Съ душой мятежной, нараспашку,
Не занесу я лихо шашку,
Какъ въ дни былые, надъ врагомъ, —
Ужъ я не тотъ, больной, усталый,
Я только пѣснью отъ души
Служу тебѣ, мой полкъ, въ тиши,
Съ мечтой о битвахъ запоздалой...

1920.

ЙЗЮМЦУ.

Полк. М. А. Пѣтухову.

Гусаръ, люблю рѣчамъ твоимъ
Внимать вечернею порою, —
Владѣешь ты моей душою,
И я живу пережитымъ ...
Молчать душевныя невзгоды,
Я весь горю, передо мной
Проходятъ яркой чередой
Былыхъ временъ былье годы ...
И вижу я, какъ бы во снѣ,
Гусара обликъ горделивый,
Стрѣлой несется конь ретивый, —
Тебя я вижу на конѣ! [тенье, —
И весь — порывъ, и весь — смя-
Прекрасенъ ты! пророчить взоръ
Врагу — суровый приговоръ,
Отчизнѣ — славу и спасеніе!...
Гусаръ червонный, это — ты,
Лихой гусаръ, воспѣтый мною,
Ты не теперь рожденъ душою,
И — тамъ, въ быломъ, твои мечты.
Теперь — изгнаникъ, на чужбинѣ,
Въ тоскѣ по Родинѣ своей, —
Ты такъ же свято вѣренъ Ей,
Своей негаснущей Святынѣ!

Терпи, гусарь, — она пройдетъ,
Година злого наважденья,
Найдутъ исходъ твои стремленья
И вновь помчишься ты впередъ...
Блеснуть побѣдныя зарницы,
Растопчеть Родина твоя
Покровы страшной багряницы, —
И вновь украсятся страницы
Изюмской книги бытія!...

1921. Галлиполи.

О ГАЛЛИПОЛИ.

Въ тоскѣ томительного рвенья
Отрадно сердцу вспоминать
Галлиполійское сидѣнье,
Гдѣ научился я желать,
Гдѣ духъ усталый закалялся,
Гдѣ величаво развивался,
Зовущій къ Родинѣ маякъ, —
Родной трехцвѣтный Русскій флагъ!
Гдѣ такъ мучительно ловила
Душа дыханье лучшихъ дней,
Гдѣ мука Родины моей
Любить до муки научила, —
И гдѣ я далъ себѣ обѣтъ,
Что безъ Россіи — жизни нѣтъ!

1931.

КЪ ПОРТРЕТУ ИЗЮМЦА.

Ротм. К. Н. фонъ Розеншильдъ Паулинъ.

Далекій другъ, къ тебѣ съ привѣтомъ
Невольно мысль моя летить, —
Любуюсь я твоимъ портретомъ,
Онъ столько сердцу говорить!
Глядишь ты вдали спокойнымъ взоромъ,
(Тогда не зналъ ты жизни ранъ) —
И чуденъ ментикъ подъ узоромъ,
Что свилъ гвардейскій филигранъ.
Рука — на гардѣ золоченой,
Фуражка алая въ рукѣ, —
Прекрасенъ ты, гусаръ червонный,
Въ своемъ прекрасномъ далекъ!...
Оно ушло... и — на чужбинѣ —
Неугасимою мечтой
Стремишься ты къ своей Святыни,
Иной плѣняя красотой...
Теперь — не въ ментикѣ расшитомъ,
Не съ саблей острою въ рукѣ —
Тоскуешь ты о пережитомъ,
Но не поддашься ты тоскѣ!
Нѣть, закаленный испытаньемъ,
Глядишь упорно ты впередъ, —
Гусаръ, гордись своимъ страданьемъ,
Оно напрасно не пройдетъ!...

Я знаю чѣмъ ты пламенѣешь,
Что такъ ревниво бережешь,
За что мучительно болѣешь,
Во что ты вѣришь, чѣмъ живешь!
Меня застигла та же выюга,
Одной мы боремся борьбой, —
Прими привѣтъ гусара-друга
И знай, что я всегда съ тобой!

1936.

ВЕЧЕРЬ.

Вечеръ... Тучи за окномъ
Нависаютъ тяжко ...
Мы опять съ тобой вдвоемъ,
Алая фуражка...
Потускнѣлъ твой алый цвѣтъ,
Поблѣднѣли канты, —
Безъ Россіи жизни нѣть,
Мы, вѣдь, — эмигранты...
Было время, набекренъ
Лихо ты носилась,
Яркимъ днемъ смынялся день,
Пылко сердце билось ...

Чаровали душу мнѣ
Пѣснями цыгане...
Только вспомню... въ тишинѣ
Слышу голосъ Тани: —
„Это — ты! я узнаю
Алую фуражку
И гусарскую твою
Душу нараспашку!“ ...
Только... разъ... ея слеза
Обожгла мнѣ руку
И печальные глаза
Рассказали муку ...
Знать нерадостный удѣль
Сердце угадало...
„Тэракхэл тут о Дэвэл!“ — *)
Таня прошептала...
Мы ль не знаемъ, сколько мукъ
И мятежной были
Мы съ тобой, мой алый другъ,
Вмѣстѣ пережили...
Сколько терній мы прошли
По чужимъ дорогамъ...
Рассказать бы мы могли
Про себя о многомъ ...

*) Цыганское: „Да хранить тебя Господь!“

Но къ чему? не за Нее-ль
Съ Нею мы въ разлукѣ?...
И сравнится-ль наша боль
Съ бездной Русской муки?...

День за днемъ, за валомъ валъ,
Волны жизни пѣнить...
Но — гусарскій въ насъ закалъ!
Сердце не измѣнить!

Вѣрить сердце, день придетъ, —
Будетъ кличъ „По конямъ!“ —
Подойдетъ и нашъ чередъ,
.Уха не уронимъ!

Соберется вся Семья
У сѣдинъ Штандарта,
И побьется, вѣрю я,
Вражеская карта!

Зашумить священный шелкъ,
Воротить потерю...
Вѣрю въ Правду! Вѣрю въ Полкъ!
И въ Россію вѣрю!

1936.

ПОЛКЪ.

Я помню Бандровъ... утро марта,
Дощатой церковки уютъ,
Красу Изюмского Штандарта
И пыль волнующихъ минутъ...
И зовы жизни молодые,
И это солнце впереди...
Счастливый день... тогда впервые
Блеснуль Георгій на груди!...
И по тому, какъ сердце билось,
Какъ голосъ грусти въ немъ умолкъ,
Я понялъ, чѣмъ оно плѣнилось, —
Какая пѣсня въ звукѣ Полкъ!
Мой Полкъ... всего одно лишь слово,
Но въ сердцѣ выжжено опо,
Въ своемъ значеньи вѣчно ново,
До смерти съ жизнью сроднено ...
И здѣсь, въ болѣй тоскѣ изгнанья,
Онъ то же сердцу говоритъ, —
Отъ одного его названья
Душа восторженно горитъ!
И пусть для многихъ я — безумецъ,
Неисправимый Донъ-Кихотъ, —
Горжусь, горжусь, что я Изюмецъ!
И — живъ мой Полкъ! и не умретъ!

1936.

ГЕРБЪ ПОЛКА.

Чудный слѣдъ задумчиваго взгляда,
Дорогою вышитый рукой, —
Гербъ Полка — три кисти винограда —
Знакъ любви, подаренный тобой...

Я слѣжу въ раздумья за узоромъ,
Вспоминаю чудные глаза ...
Подъ твоимъ, твоимъ небеснымъ взоромъ
Созрѣвала каждая лоза!..

Этотъ взоръ такъ мало видѣлъ весенъ,
Въ міръ иной давно ты отошла
И тетрадь моихъ гусарскихъ пѣсенъ
Ты съ собой, какъ друга, унесла ...

Тишина... смиряеть грусть лампада ...
Мягкій лучъ спокойнаго огня
Озаряетъ кисти винограда ...
Вѣчный другъ! души моей отрада!
Помолись, родная, за меня!..

1936.

Офицеръ и унтеръ-офицеръ
Изюмскаго Гусарскаго полка.
1797 — 1801.

КОРНЕТУ.

Часами празднаго досуга,
Въ пылу пріятельскихъ бесѣдъ,
Я полюбиль тебя, какъ друга,
Мой славный и лихой корнетъ.

За тихій звонъ твоей гитары,
За ночи долгія безъ сна, —
Душа поэта и гусара
Тебѣ останется вѣрна!

1915.   В. Лазаревичъ.*)

*) Погибъ во время шторма, при эвакуации изъ Керчи, на эскадренномъ миноносцѣ „Живой“.

КЪ ГУСАРУ.

Ты полнъ страданія нѣмого,
Повсюду скорбь тебя гнететь
Воспоминаніемъ былого, —
И боль въ душѣ твоей растетъ.

Гусаръ, въ минуты омраченья
Ты вспомни Государя ликъ,
Почувствуй глубь Его мученъя, —
И успокоишсь ты вмигъ.

Иди, гусаръ, иди, какъ прежде,
Своимъ путемъ тернистымъ гордъ,
И, — вѣренъ вѣрѣ и надеждѣ, —
Верши свой долгъ, спокоенъ, твердъ.

1922.

И. Бѣляевъ.

ВОСПОМИНАНИЕ.

На гусарскіе погоны,
Что зигзагами горятъ,
И на шпоры-тихозвоны
Часто я бросаю взглядъ...
На красавицу лядунку
Съ гордо рѣющимъ орломъ, —
Трубку съ пѣнковою лункой,
И кисетъ мой съ табакомъ, —
На серебряную чарку —
Первый призъ мой полковой,
На розетки, на флюгарку
И султанъ мой дорогой, —
На клинокъ, дамаскъ старинный,
На гвардейскій филигранъ,
Что расшилъ мой ментикъ синій
И мой алый доломанъ...
И всегда, когда взгрустнется
И взгляну вокругъ себя, —
Сердце вздрогнетъ и забьется,
И горитъ душа моя!...

1923.

Н. Воронинъ.

ЗВѢЗДА.

Бду одинъ я унылой дорогою,
Конь мой устало идетъ,
Сердце больное объято тревогою,
Грустную пѣсню поетъ...
Мнѣ вспоминаются дни пережитые,
Пѣсни Изюмскихъ гусаръ,
Взоры отважные, лица открытые,
Говоръ серебряныхъ чаръ...
Сколько красиваго, рыцарски смѣлаго
Годы невзгодъ унесли...
Гдѣ вы, питомцы гнѣзда опустѣлаго?
Гдѣ вы? куда вы ушли?...
Въ дали уходятъ поля бѣлоснежныя,
Въ небѣ зажглася звѣзда, —
Въ сердцѣ зажглися порывы безбрежные,
Сердце несется туда!...
Вѣрить душа моя, — сгинеть жестокое!
Пѣсня унылая, прочь!
Живо прекрасное! Близко далекое!
Кончится Русская ночь!

1924.

Н. Воронинъ.

Я ВЪРЮ.

Еще тяжелый годъ изгнанья
Прошелъ, и смотрить Новый годъ...
Но насъ не сломятъ испытанья, —
Я вѣрю, Русскій часъ придетъ!

Насъ близитъ каждый день къ раз-
Что такъ томительно мы ждемъ, Гвяжкъ,
И мы дождемся Русской сказки
И счастье Родинѣ вернемъ!

Да дастъ Господь намъ разумѣнья,
Терпѣнья, крѣости и силъ,
Чтобы на путь освобожденья
Нашъ полкъ всегда готовымъ былъ!

Придетъ, Изюмцы дорогie,
Придетъ желанная пора, —
И грянемъ мы въ родной Россіи
Свое Изюмское ура!

1934.

К. Розеншильдъ.

СЛОВА МАРША РАЗВѢДЧИКОВЪ
5-ГО. ИМЕНИ ИЗЮМСКАГО ГУСАРСКАГО
ПОЛКА, ОТРЯДА. *)

Сыны Изюмцевъ, — мы мыслью горды
Дѣтьми Великой Россіи быть!
Къ завѣтной цѣли идемъ мы твердо,
О ней не смѣемъ мы позабыть!
Нашъ долгъ священный — Руси служенье,
Мы сильны духомъ, Она наасъ ждетъ!
Съ горячей вѣрой въ Ея спасенье,
Идемъ мы прямо, глядимъ впередъ!
Всегда и всюду мы будемъ вмѣстѣ, —
Послушны старшимъ, чисты душой,
Мы будемъ вѣрны Изюмской чести,
Готовы къ жертвѣ всегда собой!
Петра завѣтовъ не позабудемъ,
Къ себѣ развѣдчикъ всегда быль строгъ,
На Русскій подвигъ готовы будемъ!
Вдали — Россія! Надъ нами — Богъ!

1936.

К. Розеншильдъ.

*) Состоящая подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ Національная Организація Русскихъ Развѣдчиковъ. (Возгл. полк. П. Н. Богдановичъ).

НАШЬ МУЗЕЙ.

Какъ люблю я въ рѣдкіе досуги
Заглянуть въ музей нашъ полковой,
Отдохнуть душой отъ этой выюги,
Уносясь въ минувшее мечтой...

Золотымъ расшиты филиграномъ
Ментикъ нашъ и алый нашъ мундиръ, —
Ихъ носилъ, убитый въ полѣ бранномъ,
Нашъ лихой Изюмецъ-командиръ...

Блещетъ шапка лентой „За отличье“
Надъ Двуглавымъ кованымъ орломъ —
Символомъ Россійскаго величья,
Гордъ султанъ надъ огненнымъ шлыкомъ.

Вотъ погонъ, съ зигзагами, гусарскій,
Знакъ полка, Эйлаускій крестъ блестить,
И на немъ священный вензель Царскій,
Въ нашемъ сердцѣ выжженный, горитъ...

Командирскій знакъ на острой пикѣ,
Что въ поляхъ Галиціи леталь, —
Слышалъ онъ гусаръ лихіе клики,
Видѣль тѣхъ, кто честно умираль ...

Вотъ нашъ флюгеръ, алая фуражка,
Пулею пробитая шинель,
Замахнется, вѣрю, эта шашка, —
И близка, я вѣрю, наша цѣль!

Бѣлый крестъ Георгіевской чести,
Рядомъ орденъ Бѣлаго Орла, —
Слава тѣмъ, кто преданъ былъ безъ лести,
И кому ихъ Родина дала.

Предо мной — альбомы полковые,
На меня сыны полка глядятъ, —
Сердце жгутъ страницы боевые,
Командировъ длинный, славный рядъ...

Со страницы первой горделиво
Смотрить онъ, нашъ Дороховъ-герой, —
Вѣчный Шефъ, чье имя съ нами живо
Отъ Царя наградой боевой...

На стѣнахъ краса гравюръ старинныхъ,
Формъ полка за много, много лѣтъ,
И волнуетъ душу свитокъ длинный
Всѣхъ его блистательныхъ побѣдъ!...

Собранъ здѣсь любовными руками
Слѣдъ полка, что Родинѣ своей
Послужилъ почти тремя вѣками
И навѣки вѣренъ будетъ Ей!

А вдали... спасенъ изъ царства Хама
Смѣлою Изюмскою рукой, —
Въ тишинѣ намоленного Храма, —
Славы стягъ, Штандартъ нашъ полковой!

Вѣримъ мы, настанетъ день желанный,
Принесемъ мы Родинѣ своей
Памятникъ о прошлой славѣ бранной
И залогъ грядущей службы Ей!

1936.

К. Розеншильдъ.

ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРИИ
Л. Н. ВЕЛЬЯШЕВУ.

Тебѣ съ любовью преданъ я,
Нашъ командиръ родной,
И въ этомъ чувствѣ вся семья
Изюмская со мной.

Ты ратной службѣ полкъ училъ
И строгимъ быль въ строю,
Твоей науки не забылъ
Изюмскій полкъ въ бою.

А на пирахъ ты быль душой
Веселія гусаръ,
И въ словѣ, сказанномъ тобой,
Горѣлъ гусарскій жаръ.

Война... въ служеньи боевомъ
Ты быстро вознесенъ,
Но полкъ нашъ въ корпусѣ твоемъ
Съ тобой не разлученъ.

Замость, и Рудичи, и Свозъ,
И Стыри переходъ...
Спасибо Царское принесъ
Рафаловскій налетъ...

И чтимъ мы память этихъ мѣстъ,
Твоихъ лихихъ побѣдъ,
И твой Георгіевскій крестъ —
Ихъ незабвенный слѣдъ.

Дань сердца полкъ тебѣ воздаль
Оружьемъ золотымъ, *)
Твой путь для нась примѣромъ сталъ,
И мы гордимся имъ.

Конецъ войнѣ, конецъ... не тотъ,
Что страстно ждали мы,
Не окружилъ тебя почетъ
Твоей родной страны,

Полка не видишь ты въ строю,
Но, знай, мы живы имъ, —
Себя мы чувствуемъ въ бою,
И вѣримъ, — побѣдимъ!

И въ тяжкой долѣ этихъ дней,
Что намъ дана судьбой, —
Ты сталъ намъ всѣмъ еще роднѣй,
Нашъ командиръ былой!

1936.

К. Розеншильдъ.

*) Поднесено офицерами полка.

Оберъ-офицеръ и унтеръ-офицеръ
Гусарскаго Эрцъ-Герцога Фердинанда полка.
1826 — 1828.

ПѢСНИ ДРУЗЕЙ.

ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ.

27 января 1807 г.

Столѣтіе боя.

Памятп моихъ дѣдовъ: Изюмскаго гусара
П. О. Норцова и кирасира Военнаго Ордена
А. Т. Слѣпцова.

Передо мной встаютъ отцы
И вы, о пламенныя дѣды —
Эпохи доблестной творцы,
Питомцы славы и побѣды!...
Въ своихъ сердцахъ почтили васъ
Благоговѣющіе внуки,
Я слышу топотъ конныхъ массъ
И трубъ воинственные звуки.
О, славный вѣкъ богатырей,
Лихихъ рубакъ во встрѣчѣ спорной!
Они бы умерли скорѣй, [ной.
Чѣмъ сдаться въ плѣнь толпои позор-

О, дивный циклъ могучихъ съчъ
И вашихъ подвиговъ, герои!
Вы поднимали грозный мечъ,
Какъ Ахиллесы вѣка Трои!
Вы надѣвали ордена
На свой колеть иль ментикъ шитый
И шли въ аттаку, какъ стѣна,
Какъ бурный вихрь, грозой повитый!
Вы честью ставили съ врагомъ
Лицомъ къ лицу на бой сходиться,
Лѣзть чортомъ прямо на проломъ,
И сквозь штыки въ каре врубиться...
Еще едва зажглась заря
И заревѣли гулко пушки,
Ужъ вы, отвагою горя,
Готовы, уши на макушкѣ.
Идетъ герой Багратіонъ,
За нимъ въ штыки идутъ герои,
За батальономъ батальонъ,
Равняясь въ ногу въ строгомъ строѣ,
И все предъ нимъ ложится въ прахъ —
Подъ барабаны и литавры
Изъ стѣнъ Эйлау выбить врагъ
И новый лавръ вплетаютъ въ лавры;
Изюмскій полкъ, мечты быстрѣй,
Чрезъ мостъ несется грозной тучей
И гонить конныхъ егерей,
Не опуская къ славѣ случай.

Изюмцамъ данъ завѣтъ лихой:
До боя полкъ беречь, какъ око,
А пробилъ часъ и грянулъ бой —
Рубить безъ устали, безъ срока.
Гремитъ пальба, летитъ ядро,
Мятель въ лицо врага встрѣчаетъ
И гибнетъ корпусъ Ожеро,
Знамена гордяя теряетъ;
Вѣгаетъ пылкій батальонъ
Въ погость средь воющей мятели, —
Тамъ съ свитой самъ Наполеонъ ...
Его едва спасти успѣли,
Его едва трехгранный штыкъ
Не пригвоздилъ къ землѣ нѣмецкой!
О, дѣды! русскій такъ привыкъ
Васъ видѣть въ схваткѣ молодецкой!
Гвардейцевъ храбрыхъ и Даву
Бываютъ павлоградскіе гусары,
Врага на мерзлую траву
Разятъ могучіе удары;
Во флангъ дивизіи Груши
Летитъ Военный Орденъ лавой,
Французовъ лупитъ отъ души,
Беретъ орла, роднясь со славой;
Суровъ громадный кирасиръ,
Сердито скムутивъ свои брови,
За бѣлый орденскій мундиръ
Умреть съ послѣдней каплей крови;

Поднявъ свой рыцарскій палашъ,
Онъ рубить все въ каррьерной встрѣчѣ, —
Онъ витязь гордый, чести стражъ,
Онъ самодержецъ въ этой сѣчѣ.
Кипитъ геройская борьба,
Здѣсь рубить мечъ, тамъ штыкъ пронза-
Труба звучить, гремитъ пальба, [еть,
Отвага подвиги дерзаетъ.
О, дѣды! чудныхъ этихъ дней
Покрыла мантіей васъ слава,
Безсмертьемъ вы сроднились съ ней
Во имя доблестнаго права.

А . Н о р ц о въ .

Тамбовъ.

27 января 1907 г.

Приведенное стихотворение взято изъ истори-
ческаго очерка А. Н. Норцова: „Норцовы —
Изюмскіе гусары“ (Тамбовъ. 1911), посвященна-
го авторомъ — потомкомъ Изюмцевъ — „До-
блестнымъ Изюмцамъ ко дню 260-лѣтія полка“.

ИЗЮМЦУ.

Другу дней свѣтлой юности.

Мечтой гусарской окрыленный,
Гусарскій духъ боготворя,
Глядя на доломанъ червонный,
Святую пѣснь слагаю я.
Смотрю на ментикъ твой расшитый,
Не разъ дивившій славой свѣтъ,
И струны лиры позабытой
Невольно трогаетъ поэтъ.
И сквозь аккорды боевые
Къ тебѣ несется мысль моя...
Хотѣль бы звѣзды золотыя
Сорвать я съ неба для тебя;
Хотѣль бы пѣснею могучей
Воспѣть, преданіе храня,
Твой ментикъ, сотканный изъ тучи,
Изъ вражьей крови и огня.
Гусаръ, за мной! на ладъ, на прежній,
Мы грянемъ пѣсню о быломъ,
Пусть духъ гусарскій, духъ мятежный
Зажжется въ насъ быlyмъ огнемъ!
На крыльяхъ пѣсни, пѣсни славы,
Умчу тебя я въ глубь вѣковъ,
Спою про бранные забавы
И расскажу про старииковъ.

Степенный ритмъ и ладъ былины
Да воскресять иные дни,
Бойцовъ забытыя сёдьмины,
Очей бессмертные огни.
Пускай же звонкую гитару
Разбудить вольная рука,
И гимнъ Изюмскому гусару
Пъвецъ споетъ издалека...
Смотри, вотъ призракъ твой мятеж-
Въ окровавленномъ чекменѣ [ный
Летить равниною безбрежной
На распластавшемся конѣ.
Скажи, въ какой безумной схваткѣ.
Казакъ, не тѣшилъ ты себя,
И на чеканной рукояткѣ
Чью кровь не вижу у тебя?
Въ разгаръ лихой казачьей битвы
Кого съ сѣдла ты не валилъ,
И чью горячую молитву
Твой слухъ побѣдный не ловилъ?
А вотъ, сквозь зарево пожара,
Съ струею алой на клинкѣ,
Тѣнь легендарного гусара
Мелькаетъ въ лавровомъ вѣнкѣ.
Твои стальныя эскадроны,
Гусаръ, гдѣ не были съ тобой,
И чьи священныя знамены
Не рвали дерзкою рукой?

У волнъ чарующихъ Лимана,
И у Лифляндскихъ береговъ,
И на вершинахъ Дагестана
Изюмскихъ видѣли орловъ.
Татары, турки и калмыки,
Поляки, шведы скажутъ намъ
Про то какъ колютъ ваши пики
И сабли рубятъ пополамъ.
Въ свои священные скрижали
Не вы-ль, герои, ужъ давно
Рукой побѣдною вписали:
Кермень, Пултускъ, Бородино?!

Сквозъ дымъ кремлевского пожара
Ты гналъ французскую орду
И саблей русского гусара
Платилъ въ Двѣнадцатомъ году.
Твою властную рукою
Корона сорвана и тронъ,
И, непреклонный, предъ тобою
Склонился самъ Наполеонъ.
Порфироснаго безумца,
Смѣясь, ты генія лишилъ,
Подъ пѣсни буйныхъ Изюмца
Парижъ ворота отворилъ.
Вотъ, почему, гусарь червонный,
Твоє преданіе любя,
Поэтъ колѣнопреклоненный
Слагаетъ вирши про тебя.

Вотъ, почему про мяникъ шитый,
Какому въ мірѣ равныхъ нѣть,
На струнахъ лиры позабытой
Съ тобой бесѣдуешь поэтъ.
Ужъ близокъ день, коптить лампада,
Усталъ измученный баянъ...
Еще послѣдняя баллада
Про твой побѣдный доломанъ;
Одно правдивое сказанье,
Напѣвъ изъ ветхой старины,
Его да примутъ въ назиданье
Твои безсмертные сыны.
Когда отъ синихъ волнъ Дуная,
Съ могиль замученныхъ славянъ,
Примчалась пѣсня боевая —
Одѣль ты шитый доломанъ.
И отточивъ рукой привычной
Кривую саблю на брускѣ,
Пошелъ дорогою обычной
Къ далекой, страждущей рѣкѣ.
И, вѣрный дѣдовскимъ преданьямъ,
Ты, какъ безсмѣнныи часовой,
Стоялъ желѣзнымъ изваяньемъ
Надъ кровью плещущей рѣкой.
Настанеть день, и вновь фанфара,
Въ разгарь пирушки удалой,
Разбудить буйного гусара
И призовѣть его на бой.

Тогда, какъ нѣкогда бывало,
Завѣты прадѣдовъ храня,
Подъ звукъ тревожнаго сигнала
Ты лихо сядешь на коня.
Летя къ тебѣ душой свободной,
Зальется пѣснею поэтъ
Про доломанъ твой благородныій,
Какому въ мірѣ равныхъ нѣтъ.

1907.

М. Жадкевичъ.

А. В. Б.

Вы — вы гусарь съ мятежною душою,
Съ бездонной глубиной въ задумчивыхъ
Всегда, всегда въ погонѣ за мечтою, [очахъ,
Съ цыганской пѣсней на устахъ...

Я — для другихъ веселая, живая,
Но не для всѣхъ, для чуткихъ я не та, —
Въ груди тоска, въ душѣ исканье рая,
И божество мое — мечта!...

Меня вчера назвали вы родною,
И правы вы, да, я — родная вамъ, —
Я, какъ и вы, живу одной мечтою,
И я мечтѣ и сказкѣ все отданъ!...

1917.

Ирина Т.

ТОСТЬ.

Мой тосТЬ будеТЬ тѣмъ, кто не слышитъ ужъ
Кто твердо ушелъ на разсвѣтъ любви, [тоста,
На подвигъ ушелъ молчаливо и просто
И скрылъ навсегда свою тайну въ крови.
За тѣхъ, кто Жаръ-птицу въ борьбѣ ежеднев-
Иваномъ-Царевичемъ вышелъ искать, [ной
И долженъ былъ кубокъ любимой Царевны,
Свою же кровью наполнивъ, отдать...
За смѣльыхъ, что смерти въ глаза посмотрѣли,
Чья чуткая совѣсть намъ шепчетъ: не спи...
Кому лебединую пѣсню пропѣли
Шрапнели на старомъ курганѣ въ степи...
И память невольно думой обходитъ
Тотъ холмъ одинокій въ просторѣ степномъ,
Гдѣ вѣтеръ свободный приходитъ, уходитъ...
И пѣсню поеть о гусарѣ быломъ...

1921.

Ольга **

АВТОРУ „ПѢСЕНЬ ГУСАРСКИХЪ“.

Родную степь, ковыль сребристый,
Тюльпановъ алые цвѣты,
Просторъ широкій, воздухъ чистый,
Гусаръ, мнѣ все напомнилъ ты!

Арканы свистъ на зоряхъ весенъ,
И топотъ скачущихъ коней,
И шелестъ травъ, и звуки пѣсень
Вокругъ пылающихъ огней...

И говоръ трубъ, какъ прежде, вынѣ,
И блескъ сверкающихъ мечей —
Я снова вижу на чужбинѣ
Въ волшебныхъ снахъ моихъ ночей!

1930.

П. Проходовскій.

КЪ 285-ЛѢТИЮ ИЗЮМЦЕВЪ.

Крѣпитесь и вѣрьте, что будетъ разсвѣть,
Пожнете вы новую славу,
И полкъ вашъ одержитъ не мало побѣдъ,
Не хуже, чѣмъ Прейсишъ-Эйлау!
Исчезнетъ надъ Русью кровавый туманъ,
И алый заблещетъ опять доломанъ!

1936.

В. Петрушевскій.

АЛОМУ ГУСАРУ.

Изюмецъ, — чести
Боецъ лихой, —
Скажу безъ лести, —
Плѣненъ тобой!

Въ груди — отвага,
Въ очахъ — огонь,
Рѣшимость шага,
Несется конь...

Лихимъ ударомъ
Клинокъ разить, —
Гусаръ, недаромъ
Ты знаменитъ!

Потомокъ славный
Былыхъ черкасъ, —
Ты въ бой неравный
Леталъ не разъ...

Ты духъ исконный
Въ себѣ хранишь, —
Гусаръ червонный,
Ты побѣдишь!

1936.   Н. Войковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ составителя	3
Изюмцамъ. Н. В. Гербеля	7
Полку. А. Балашева	15
Изюмцу. Его же	—
Послѣ боевого крещенія. Его же	16
Послѣдняя страница дневника. Его же . .	17
Вечерняя дума. Его же	19
Гусару. Его же	20
Гусарскій пріютъ. Его же	21
Я вновь съ тобой! Его же.	22
Въ альбомъ. Его же	23
Къ портрету Дениса Давыдова. Его же. .	—
На возрожденіе полка. Его же	25
Скорбь. Его же.	26
Изюмцу. (Полк. М. А. Пѣтухову). Его же .	27
О Галлиполи. Его же	28
Къ портрету Изюмца. Его же	29
Вечеръ... Тучи за окномъ... Его же	30
Полкъ. (Благовѣщеніе 1915 г.) Его же . .	33
Гербъ Полка. Его же	34
Корнету. В. Лазаревича	37
Къ гусару. И. Бѣляева.	38
Воспоминаніе. Н. Воронина	39
Звѣзда. Его же	40
Я вѣрю! К. Розеншильдъ	41
Слова марша Развѣдчиковъ. Его же . . .	42

Нашъ музей. Его же	43
Генералу Л. Н. Вельяшеву. Его же	45

Пѣсни Друзей.

Прейсишъ-Эйлау. А. Норцова.	51
Изюмцу. М. Жадкевича	55
Вы — вы гусарь... Ирины Т.	59
Тостъ. Ольги * *	60
Автору „Пѣс. Гусарск.“. П. Проходовского	61
Къ 285-лѣтію Изюмцевъ. В. Петрушевскаго	—
Алому гусару. Н. Войкова	62

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:

B. Popper

Botte postale, 1. Ixelles, 2.
Bruxelles, Belgique.